

РУССКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ: LOST IN TRANSLATION

Аннотация. Дискуссия посвящена обсуждению проблемы, являющейся прямым продолжением и развитием темы номера: насколько адекватно исторические развилки, осевые моменты и точки бифуркации русского Средневековья могут быть описаны и проанализированы посредством понятий, терминов и концептов, применяемых сегодня в исторических исследованиях? Редакция журнала предложила авторитетным российским и зарубежным ученым высказаться о необходимости и возможности совершенствования аналитического языка, позволяющего эти ситуации выбора и переломные моменты увидеть, описать и объяснить. В качестве отправной точки для такого разговора, который, разумеется, не может быть исчерпан одной журнальной публикацией, были сформулированы четыре вопроса, отражающих, по мнению редакции, ключевые аспекты данной проблемы и намечающих общий вектор ее обсуждения. Участникам дискуссии было предложено не рассматривать заявленные темы в качестве категорического императива, а самим выбрать предпочтительный формат участия – высказаться по всей совокупности вопросов, сфокусировать свое внимание на одной или части предложенных тем, расширить рамки поставленных вопросов или предложить свои дополнения к нашей повестке.

Ключевые слова: Древняя Русь, Россия, русское Средневековье, феодализм, историческая терминология, этнонимы, политонимы, хоронимы, языки историописания.

Вопросы дискуссии:

1. Каково смысловое наполнение концепта «русское Средневековье» и как это соотносится с такими устойчивыми словосочетаниями, как «Древняя Русь» и «допетровская эпоха»; что считать хронологическими и пространственными границами «русского Средневековья» и какие современные национальные культуры являются – прямо или косвенно – восприимчивыми исторического наследия этой эпохи?
2. Насколько оправдана демаркация между западноевропейским и русским Средневековьем и каковы перспективы сравнительно-типологического анализа эволюции двух этих обществ; что с позиций компаративного подхода более существенно: черты сходства или различия между западноевропейским и русским Средневековьем? Можно ли считать, что Русь была частью общеевропейского культурного пространства, и если да, то в каких хронологических пределах?

3. В какой мере концепция «феодализма», равно как и вся совокупность смежных с ним терминов и понятий (феодалная раздробленность, сюзеренитет-вассалитет, сеньория и т.д.), применимы для описания социальных процессов, явлений и отношений эпохи русского Средневековья?
4. Какими подходами, правилами и принципами следует руководствоваться при конвертации языка самоописания средневековой Руси в язык современного историописания; в каких случаях необходимо использование аутентичных терминов, а в каких допустима их замена более современными аналогами?

Участники дискуссии:

Каппелер Андреас, доктор наук, профессор, Венский университет.

Михайлова Юлия Александровна, доктор наук, доцент, Технологический институт Нью Мексико.

Андреев Игорь Львович, кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Отечественной истории Института гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет.

Штайндорфф Людвиг, доктор наук, почетный доктор (Университет в Сплите), профессор, Университет им. Христиана Альбрехта в Киле.

Раффеншпергер Кристиан, доктор наук, доцент истории, Виттенбергский университет, доцент, Гарвардский украинский исследовательский институт.

RUSSIAN MIDDLE AGES: LOST IN TRANSLATION

Abstract. The discussion is devoted to the problem which is a direct continuation and development of the main theme of issue: how adequately forks in the road of history, pivotal moments and bifurcation points of the Russian Middle Ages can be described and analyzed by notions, terms and concepts used today in historical investigations? The prominent Russian and foreign scholars were invited to speak about need and possibility of improving the analytical language that allows to point out, describe and explain these situations of choice and turning points. As a starting point for such conversation, which, of course, cannot be exhausted by a single journal publication, four questions were formulated that reflect, in the opinion of the editors, the key aspects of this problem and outline the general vector of discussion. The questions are by no means imperative, disputants are allowed to choose their preferred format – to speak out on the whole set of issues, to focus on one or part of the proposed topics, to expand the scope of the issues raised, or to offer their own additions to our agenda.

Keywords: Ancient (Old) Rus', Russia, Russian Middle Ages, feudalism, historical terminology, ethnonyms, politonyms, choronyms, languages of historical writing.

Questions of the discussion:

1. What is the semantic meaning of the concept "Russian Middle Ages", and how does it correlate with such stable phrases as "Ancient Russia" and "Pre-Petrine Era"? What are the chronological and spatial boundaries of the "Russian Middle Ages", and what modern national cultures – directly or indirectly – are the successors of the historical heritage of this era?
2. Is the demarcation between the West European and Russian Middle Ages justified? What are the prospects for a comparative typological analysis of the evolution of these two societies? From the standpoint of a comparative approach what is more significant: similarities or differences between West European and Russian Middle Ages? Is it possible to consider that Russia was a part of the pan-European cultural space, and if so, within what chronological boundaries?
3. To what extent is the concept of "feudalism" as well as the whole set of terms and concepts related to it (feudal fragmentation, suzerainty, vassalism, seigniorium, etc.) applicable for describing social processes, phenomena and relations of the Russian Middle Ages?

4. What approaches, rules and principles should be followed when converting the self-descriptive language of medieval Russia into the language of modern historical writings? In what cases is it necessary to use authentic terms, and where is it permissible to replace them with modern equivalents?

The questions are by no means imperative for our disputants, but give an outline and a general vector of the discussion. Participants have the right to focus on any topics proposed, expand the scope of the questions, or propose their own additions to the agenda.

Discussants:

Kappeler Andreas, PhD, Professor, University of Vienna.

Mikhailova Yulia A., PhD, Associate Professor, New Mexico Institute of Technology.

Andreev Igor L., Candidate of Science (History), Professor, Head of the Department of Patriotic History of the Institute for the Humanities, Moscow City Pedagogical University.

Steindorff Ludwig, Dr. phil., Dr. h. c. (University of Split), Professor, University of Kiel.

Raffensperger Christian, PhD, Associate Professor of History, Wittenberg University, Associate, Harvard Ukrainian Research Institute.

ДРЕВНЯЯ РУСЬ – РУС(С)КОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Андреас Каппелер

Аннотация. Древняя Русь с самого начала ее письменной истории в IX столетии до ее конца в XVII в. была частью европейского культурного пространства. Ее сопоставление с «Западной Европой» является проблематичным, т.к. Европа всегда была разнообразной. Так, Западная Европа является только идеальным типом. В этом смысле русские и нерусские историки с XIX в. искали и нашли сходства и различия «русского» и «западного» Средневековья. Обычно преобладали дефиниции «отсталой» Руси в сравнении с «цивилизованным» Западом: например, отсутствие средневековой аграрной революции, «европейской модели брака», феодализма в узком смысле слова и городского права. Термин «русское Средневековье» мне кажется проблематичным. Он автоматически связывается с современным этнонимом «русский» и с русским государством XVI и XVII вв., что исключает не русские группы Древней Руси (украинцы, белорусы, финские и балтийские племена) из исторического нарратива. Поэтому я предлагаю употреблять понятие «русское Средневековье» (Средневековая Русь) в научном контексте лишь в крайних случаях.

Ключевые слова: Древняя Русь, русское Средневековье, Западная Европа, исторический нарратив, терминология.

ANCIENT RUSSIA – RUS(S)IAN MIDDLE AGES

Andreas Kappeler

Abstract. Ancient Russia from the very beginning of its written history in the 9th century to its end in the 17th century was part of the European cultural space. Its comparison with “Western Europe” is problematic, since Europe has always been diverse. Therefore, Western Europe is just the ideal type. In this sense, Russian and non-Russian historians from the 19th century searched and found similarities and differences between the “Russian” and “Western” Middle Ages. Usually, the definitions of “backward” Russia prevailed in comparison with the “civilized” West, for example, the absence of a medieval agrarian revolution, “European model of marriage”, feudalism in the narrow sense of the word and city law. The term “Russian Middle Ages” seems problematic. It is automatically associated with the modern ethnonym “Russian” and with the Russian state of the 16th and 17th centuries, which excludes the non-Russian groups of Ancient Rus’ (Ukrainians, Belarusians, Finnish and Baltic tribes) from the historical narrative. Because of this, I propose to use the concept of “Russian Middle Ages” (Medieval Russia) at least in an academic context.

Keywords: Ancient Russia, Russian Middle Ages, Western Europe, historical narrative, terminology.

Благодарю за возможность участвовать в дискуссии о терминологии русского Средневековья.

Начну с нескольких общих замечаний.

Во-первых, само собой разумеется, что я смотрю на «русское Средневековье» извне, с позиции австрийско-швейцарского историка, поэтому для меня «русское Средневековье» является *вдвойне* «чужой страной» — и в хронологическом и в пространственно-культурном отношении. В связи с этим нередко возникает проблема перевода: я думаю и пишу по-немецки, что отражается и на моем понятийном аппарате. Тонкости русского языка я часто не понимаю. Во-вторых, я весьма осторожно употребляю такие обобщающие понятия, как «Запад», «Западная Европа», «Восток», «Европа», равно как «Россия» и «русский». «Западная» Европа очень разнообразна: ее север существенно отличается от юга; Центральная Европа (включая Польшу, Словакию, Чехию, Венгрию и Австрию) является особым историческим пространством; Юго-восток (включающий такие православные страны, как Румыния, Болгария, Сербия и Греция, а также, в отдельные периоды, католические Хорватию и Словению) имеет свою региональную специфику. Таким образом сопоставление «русского Средневековья» с отдельными регионами зачастую более плодотворно, чем сравнение с «Западом».

Исторические регионы являются конструктами историков, как правило, соотносимыми с современными государствами, нациями или этническими группами. Обычно они отражают исторические нарративы, изобретенные историками и географами в XIX в.

1. Из тем, предложенных к обсуждению инициаторами дискуссии, наиболее значимым представляется сюжет о смысловом наполнении концепта «русское Средневековье».

Основные исторические понятия и дефиниции были изобретены в XIX в. Обычно «русские» историки перенимали концепты и термины, созданные «западными» историками на основе истории «Западной Европы», идеального типа «западного» Средневековья. Они ставили вопрос, в какой мере «русское Средневековье» соответствовало «западному» или отличалось от него. Это относится и к понятию «Средневековье». Средневековье — это период «в середине», между Античным миром и Новым временем. *Medium aevum* было изобретено гуманистами в XIV–XV вв. и отражает принципиально второстепенное значение, которое гуманисты придавали Средневековью в сравнении с Античностью и Новым временем. Они представляли Новое время как прямое продолжение античных традиций (Ренессанс), а Средневековье считалось периодом упадка.

В этом смысле можно сказать, что Россия не имеет Средневековья потому, что не имеет Античности. Возможно было бы считать историю древнего Причерноморья частью истории Руси, но античное наследие для Руси было незначительным. Не только Россия, но и вся Северная Европа не имеет «Средневековья» в буквальном

смысле этого слова. С XV до начала XIX в. в восприятии Юга и Запада Северная Европа оставалась «варварской», «отсталой», отличающейся от «цивилизованного» Юга и Запада, имевших богатое античное наследие. На самом деле история «русского Средневековья» имеет параллели, аналогии, сходства с другими странами «севера» Европы, среди них Скандинавия, северо-восток Германии, Прибалтика, Польша, Беларусь и Украина. Поэтому сравнение «русского Средневековья» с ними нередко оказывается более плодотворным, чем сравнение с «идеальным типом» истории Европы, основанном на примере юга и запада континента.

Современные историки уже не мыслят в категориях гуманистов и употребляют термин «Средневековье» по отношению ко всей Европе, а иногда применяют его и к внеевропейским странам.

Более спорным является другой элемент данного словосочетания — «русское» Средневековье. Термин «Русь» сегодня общепринят историками, он касается прежде всего периода с IX по XIII вв., Древней или Киевской Руси. Однако в популярной литературе (в России и за рубежом) встречается и понятие Киевская Россия, которая была населена русскими. Оно широко употреблялось историками в России и за рубежом в XIX в., нередко и в XX, и даже в XXI в. Данное понятие отражает русский (российский) исторический нарратив, в основе которого лежит идея непрерывности истории от «Киевской России» до Московского государства и Российской империи, а иногда и до современной Российской Федерации. После XIV в. традиции Древней Руси продолжались не только в северных княжествах, в последствии — в Московском государстве, но и в Литовском великом княжестве, и в Польском королевстве (пример воеводство — Rusь с центром во Львове).

В отличие от термина Русь, вопрос о прилагательном — «русское» или «русское» Средневековье — является спорным. Понятие «русское Средневековье» автоматически связывается с этнонимом «русский» и с Русским, потом — Российским государством с XVI по XXI вв. В таком понимании, которое выражается в имперском историческом нарративе, нет места для украинского нарратива, который связывает Киевскую или Древнюю Русь с Русью в Великом княжестве Литовском и Польше.

Во вступительной статье Андрей Корневский затрагивает несколько этих проблем, но в конце концов сохраняет традиционное понятие «русское Средневековье». Его аргументы меня не убеждают. Проблема состоит не в том, какой из терминов более аутентичный, не в «лингво-историческом пуризме», не в том, что этот термин «творит насилие над языком». Дело в том, что это не только научный, но и политический вопрос. Я вполне согласен с утверждением Андрея Корневского, что «историк вступает в диалог с прошлым, чтобы ответить на вопросы своего времени». Понятие «русское Средневековье», употребляемое для периода Древней Руси IX–XIII вв., отвечает на вопросы нашего времени с точки зрения русского имперского нарратива, по которому вся история Руси является «русской», а Древняя Русь представляет исключительно предысторию сегодняшней России.

Кстати, подобный подтекст имеет и понятие «Киевская Русь», которое может вести к ошибочному выводу, что Древняя Русь является только предысторией Украины с ее столицей, несмотря на то что Древняя Русь была союзом княжеств с несколькими центрами. Поэтому понятие «украинское Средневековье» также является проблематичным.

Как решить эти деликатные проблемы?

Я согласен с тем, что слово «русский» (с одним «с») выглядит искусственно и может быть понято лишь в чисто научном дискурсе, в то время как широкая публика может посчитать это опечаткой. Можно было бы предложить понятие «восточнославянское Средневековье», но оно также не вполне релевантно, т.к. Русь населяли не только славяне, но и финно-угорские, балтийские и тюркские племена, а на раннем этапе — и скандинавы в составе политической элиты.

Я предлагаю такой выход: применительно к первому периоду истории Руси (до XIII в.) избегать термина «русское Средневековье» (с двумя «с»). Вместо него можно употреблять имя существительное «Русь», Древняя Русь или Средневековая Русь. В научной литературе можно употреблять термин «русский» (с одним «с»). Для следующего периода термин «русское Средневековье» является уместным для княжеств северной Руси, а впоследствии — для Московского государства.

Указанная проблема актуальна не только для русскоязычного историописания. Так, англо-американские историки в последнее время чаще употребляют слово «Rusian» (пример — книга Кристиана Раффеншпергера, процитированная Кореневским), в немецкоязычной научной литературе иногда употребляется слово *rus'isch*. Но большинство историков избегает этой дилеммы посредством понятия «восточнославянский» или терминов «*Rus*», «*alte Rus*», «*Kiever Rus*». С другой стороны, понятие «русский» часто встречается в слове «древнерусский» (*altrussisch, old Russian*), например, *altrussische Literatur* (древнерусская литература).

Определить хронологические и пространственные границы средневековой Руси можно по разным критериям. Чаще всего за основу берется политический, но здесь возникает проблема с терминами «государство» и «государственность», которая и упомянута Кореневским. Данная проблема перекликается с четвертым вопросом, сформулированным организаторами дискуссии: «Какими подходами, правилами и принципами следует руководствоваться при конвертации языка самоописания средневековой Руси в язык современного историописания; в каких случаях необходимо использование аутентичных терминов, а в каких допустима их замена более современными аналогами»? По-моему, употребление термина «государство» не является уместным для истории Руси до XV в., поскольку источники этого времени не обнаруживают признаков государственности в «модерном» понимании данного термина. Он отражает представление о государстве как прочно организованной политической единице с четко ограниченной территорией и монополией власти. Однако в Средние века установить такие четкие границы невозможно, т.к. мы

всегда и везде наблюдаем различные переходные фазы и пространства. Поскольку «аутентичного термина», по-моему, не существует, предпочтительным представляется употребление таких общих понятий, как «политическое образование», «политическая формация» или «полития» (*polity* на английском, *Herrschaftsverband* на немецком).

Началом Древней Руси можно считать возникновение первой политической формации, связанное с приходом норманнов-варягов, распространением христианства и письменности. Концом периода Древней Руси обычно считают ее завоевание монголо-татарами в XIII в. и экспансию Литовско-русского великого княжества и Польской короны в XIV в. Эта хронологическая граница – самая важная для всего русского Средневековья. После этого одна половина древней Руси оказалась под владычеством Золотой Орды, а затем – в независимом Московском государстве, а другая – в составе Литвы и Польши. Борьба за наследство Древней Руси между этими державами является одной из главных тем следующих столетий.

Русское Средневековье, а именно – историю северных княжеств Руси, будущей России, традиционно делят на периоды возвышения Москвы в XIV–XV вв. и Московского или Русского государства в XVI–XVII вв. Такая телеологическая хронология однако исключает исторические альтернативы Новгорода или Твери.

Конец русского Средневековья можно датировать по-разному, в зависимости от того, какие критерии берутся за основу. Это может быть:

- начало Московского царства в 1547 г.
- конец XVI–начало XVII в., пресечение династии Рюриковичей и временное крушение Московского царства во время Смуты;
- начало культурных изменений, секуляризации и вестернизации в середине XVI в.;
- реформы Петра I, вестернизация и основание Российской империи.

Пространственные границы русского Средневековья обычно определяются политическими критериями, как территории, которые были под властью великих князей владимирских (с 1330-е гг. – московских) и на которые они претендовали. Но здесь опять возникает опасность исключения истории других независимых регионов.

Территория Московского великого княжества и царства постепенно расширяется в XVI в. в результате завоевания Казанского и Астраханского ханств, в XVII в. – Сибири от Урала до берегов Тихого океана. Но является ли история этих регионов частью «русского Средневековья»?

В предыдущих замечаниях я уже затрагивал вопросы об историческом наследии «русского Средневековья». Если речь идет о русском Средневековье, русская, украинская и белорусская национальные культуры являются преемниками ее исторического наследия. В их исторических нарративах Древняя или Киевская Русь является первым периодом национальной истории. В этом можно согласиться,

если речь идет не об эксклюзивных претензиях на наследие, как иногда случалось в русской и в украинской историографии. Традиции нарратива Всероссийского триединого народа с общей историей и культурой, созданного русскими историками в XIX в., имеют последователей до сих пор. И украинский нарратив, в котором Михаил Грушевский ответил на русский имперский проект, и по которому Киевская Русь имела исключительно украинский характер, еще имеет сторонников.

2. Что касается проблемы «демаркации» между западноевропейским и русским Средневековьем, то я считаю, что Древняя Русь с самого начала ее письменной истории до конца Средневековья является частью всевропейского культурного и политического пространства. История Европы с конца Римской империи постепенно развивается между двумя полюсами с центрами в Константинополе и в Риме, позже – в Византийской империи и Священной Римской империи. Параллельно возникли две христианские церкви: православная и римско-католическая, которые окончательно разошлись в 1054 г. Но это, опять-таки, не означает, что данные пространства были четко разграничены. Существовали промежуточные зоны и постоянные взаимосвязи между этими двумя полюсами.

Древняя Русь в XI и XII столетиях имела интенсивные династическо-политические, коммерческие и религиозно-культурные контакты с «латинской» и «православной» Европой. Она стала членом европейской «семьи королей» [Franz Dölger, 1940]. Киевская Русь стояла ближе к другим частям Европы чем север Руси, который был более двух веков под властью Золотой Орды. С XIV до XVII вв. связи этого региона с остальной Европой были менее интенсивными, хотя полностью они не прерывались (пример торговые отношения Новгорода и Пскова с Ганзой и Лифляндией). Древняя Русь была интегральной частью Европы, а «русское Средневековье» – ее северо-восточным пограничьем.

С конца XV в. Московское государство установило первые дипломатические, коммерческие и культурные контакты с другими европейскими странами, но только с 1640-х гг. Россия существенно приблизилась к остальной Европе, а в эпоху Петра I она вновь стала интегральной частью Европы, игроком в системе европейских держав, имевшим интенсивные политические, династические, экономические и культурные связи со многими европейскими странами.

Каковы перспективы сравнительно-типологического анализа эволюции двух этих обществ; что с позиций компаративного подхода более существенно: черты сходства или различия между западноевропейским и русским Средневековьем? Как уже было упомянуто, я говорю не о «двух обществах», а о разных обществах и культурах, которые существенно различались. «Идеальный тип» западного общества является нормативным понятием, конструктом с ограниченной аналитической силой. Несмотря на такие ограничения историки часто сравнивали «русское Средневековье» с «западным». Критерии для сравнения и «западные», и русские историки почти всегда брали из опыта «Западной Европы». Особенности России и большей части Восточной Европы понимались как «дефициты», которые вели к

экономической, культурной и политической «отсталости» России (за исключением Древней Руси) и Восточной Европы в целом.

Среди таких факторов называют:

- существенные различия между «Западной Европой» и Россией, имеющие характер географических предпосылок и описываемые в виде ряда дихотомий: континентальное – маритимное; огромное пространство – мелкомасштабность; обилие земли – малоземелье (т.е. во главу угла ставятся климатические различия и отсутствие в России – в силу обширности пространства – стимулов к повышению продуктивности производства);
- отсутствие или задержка «средневековой аграрной революции» с внедрением трехполья и тяжелого плуга (Schollenwenderflug), с удобрением полей и введением водяных мельниц;
- отсутствие «европейской модели брака» [Hajnal, 1965] и наоборот распространение «неевропейской модели»: всеобщее распространение брака и низкое число незамужних, ранний возраст вступления в брак, разделение земли среди всех сыновей, отсутствие рабочих, прислуги которые не были членами семьи – все с отрицательными последствиями для экономического и социального развития России;
- отсутствие феодализма в узком смысле (Lehnswesen), характеризующегося отношениями взаимной верности и обязанностей сеньора и вассала;
- в связи с этим – отсутствие «сословий» как социальных групп с закрепленными за ними правами и привилегиями;
- отсутствие традиции римского права;
- слабое развитие городов, городского права и самоуправления (следовательно – отсутствие или слабое развитие буржуазии / бюргерства как движущей силы политического и экономического прогресса);
- отсутствие науки, университетов, философии, схоластики, рационализма.

Относительно позднего Средневековья добавляют:

- распространение «второго» (в России скорее первого) крепостничества;
- отсутствие или слабое развитие ренессанса, гуманизма, секуляризации, книгопечатания.

Можно согласиться с тем, что названные элементы описывают различия между «идеальными типами» «Запада» и России (или Восточной Европы). Такой перечень «дефицитов» можно привлекать для сравнения, но при этом следует принимать во внимание, что отдельные факторы взаимосвязаны. Одновременно необходимо дифференцировать и корректировать такие обобщения и упрощения. В истории России имелось много исключений и региональных вариантов развития, среди которых – городские «республики» Новгорода и Пскова, разные виды моделей брака, существование свободного крестьянства на Севере и в Сибири. Очевидны варианты и внутри так называемой «Западной Европы». Несколько из названных «дефицитов» встречаются и в Северной, Восточной, Центральной и Южной Европе. Для

сравнения было бы важно найти другие критерии, которые не следуют за моделью «Запада», не перечисляют «дефициты» России, но базируются на русском опыте.

Можно назвать:

- особенности православной культуры, иконописание, пение, духовность, «соборность», воображаемая славянофилами (против «западников»);
- «симфония» в отношениях светской и духовной властей;
- опыт контактов со Степью и с исламом;
- сравнительная веротерпимость, отсутствие крестовых походов (за исключением, быть может, Казанского похода Ивана IV), инквизиции, преследований «ведьм» (по крайней мере, в значительно меньших масштабах, чем на Западе), относительная толерантность в отношении «язычников» и мусульман;

Если мы сравниваем начало Средневековья на «Западе» и на Руси, то обнаруживаем целый ряд параллелей и черт сходства, которые подчеркивают принадлежность Древней Руси к европейскому историческому пространству:

- миграции и нападения «варварских» племен (с одной стороны — гунны, болгары, хазары, авары, мадьяры, печенеги, половцы/куманы, монголы, с другой — германцы, среди которых готы и норманны, включая варягов); большинство этих пришельцев основали новые политические единицы, но затем как правило постепенно ассимилировались;
- распространение христианства, которое вело к консолидации новых держав и возникновению «сети» правителей, между которыми установились династические отношения.

Что касается хронологии, Русь и другие части Северной и Восточной Европы запоздали в сравнении с «Западом», но контексты и последствия оказались сходны.

Конец Средневековья в Южной, Западной и Центральной Европе обычно определяется следующими факторами:

- возникновение гуманизма и Ренессанса, открытие Античности;
- распространение книгопечатания, создание общего коммуникационного пространства;
- реформация, раскол католической церкви, секуляризация;
- географические открытия, приток золота и серебра из заморских стран («революция цен»), оживление торговли, первоначальное накопление капитала.

В России также можно найти соответствующие явления, хотя обычно они являются запоздалыми и более слабыми:

- некоторые черты гуманизма и Ренессанса можно обнаружить уже в XVI столетии (нестяжатели, Максим Грек, «первопечатник» Иван Федоров, вынужденный бежать из Москвы и продолживший свое дело во Львове).
- элементы реформации проявляются в реформах патриарха Никона, а с другой стороны — в движении староверов, которые протестовали против этих преобразований;

- открытие Сибири, разведка месторождений и добыча серебра, пушной промысел, оживление торговли.

Переход от Средневековья к Новому времени в «Западной Европе» произошел сравнительно короткий срок – с середины XV до начала XVI в., тогда как в России этот переходный период был более длительным, охватывая XVI и XVII столетия.

3. Концепцией феодализма я специально не занимался, поэтому отвечу вкратце. Как отмечается во вводной статье, это «вечная тема», к которой мне трудно что-либо добавить. Отмечу лишь, что следует различить феодализм в широком и узком смысле слова. Феодализм в широком смысле означает все общества с элитой землевладельцев и с крестьянами, подчиненными им. Такой порядок можно встретить везде в Европе и во многих обществах вне Европы. В западноевропейской медиевистике термин «феодализм» обычно употребляют только в узком смысле «*Lehnswesen*» – института вассалитета с взаимной верностью и обязанностями сеньора и вассала. *Lehnswesen* в узком смысле в России не было, хотя можно обнаружить сходные элементы, на которые указывает автор вводной статьи.

4. Последний вопрос, предложенный к обсуждению инициаторами дискуссии, наиболее сложен. Он касается не только медиевистики, но и всех гуманитарных наук. У меня общего ответа нет, но несколько примеров решения подобных проблем («государство», «русский») я упомянул.

REFERENCES

Hajnal J. European marriage patterns in perspective, in *Population in History*. Ed. D.V. Glass and D.E. Eversley. Chicago: Aldine, 1965. Pp. 101–143.

Dölger F. Die "Familie der Könige" im Mittelalter, in *Historisches Jahrbuch*. 1940. № 60. S. 397–420.

МИР СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И «ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ ВСЕЛЕННЫЕ» МЕДИЕВИСТИКИ

Ю.А. Михайлова

Аннотация. Данная статья является частью дискуссии по изучению Руси в контексте европейской средневековой истории, основанной на вопросах, сформулированных редакцией журнала «Новое прошлое / The New Past», посвященных темам феодализма, современным переводам средневековых терминов и извечному вопросу «Русь и Запад». Автор статьи утверждает, что Русь была неотъемлемой частью средневековой Европы, причем последняя была более разнообразной, чем подразумевает понятие монолитного «Запада».

Ключевые слова: европейская средневековая история, Русь, Запад, исторический нарратив, терминология.

THE MEDIEVAL WORLD AND “PARALLEL UNIVERSES” OF MEDIEVAL STUDIES

Yu.A. Mikhailova

Abstract. This paper is a contribution to a forum of essays on the studies of Rus’/ Muscovy in the context of European medieval history, which is based on the prompts posed by “Novoe Proshloe / The New Past” journal that deal with the themes of feudalism, modern translations of medieval terms, and the perennial question of “Rus’ and the West”. The author’s contention is that Rus’ was an integral part of medieval Europe, with this latter being more diverse than is implied by the notion of the monolithic “West”.

Keywords: European medieval history, Rus’, West, historical narrative, terminology.

Один из ведущих историков немецкого Средневековья Т. Рейтер сравнивал современную историографию средневековой Западной Европы с «набором параллельных вселенных»: каждая страна имеет собственную историческую школу, со своей терминологией и методологией, и ученые, принадлежащие к данной школе, общаются по большей части между собой и мало интересуются тем, что происходит за ее пределами. А если вдруг и заинтересуются, то сразу натываются на трудности перевода и интерпретации терминов. Рейтер приводит в пример ключевые понятия немецкой и французской науки, изучающей... Изучающей что? Вот и я, пытаюсь описать область исследования, о которой пишет Рейтер, наткнувшись на ту же трудность – как же назвать «это» по-русски?

Рейтер иллюстрирует свой тезис о коренных различиях понятийного аппарата немецкой и французской медиевистики указанием на то, что «Grundherrschaft – это не совсем то же самое, что seigneurie banale» [Reuter, 2006, p. 88]. Для западных медиевистов очевидно, что «Grundherrschaft» – это ближайший немецкий аналог «seigneurie banale», даже если их значения не вполне идентичны. А вот что является русским аналогом этих терминов? Однозначного ответа нет. Наилучшим кандидатом, по всей видимости, было бы «феодалное землевладение». Однако тут сразу же возникает несколько трудностей. Во-первых, часть работ, посвященных «Grundherrschaft» и «seigneurie banale» принадлежит ученым, которые отвергают понятие феодализма. Авторы некоторых из этих работ были бы возмущены до глубины души, если бы узнали, что объект их исследований кто-то описывает при помощи прилагательного с корнем «феод». Во-вторых, и само-то это прилагательное, как и существительное, от которого оно происходит – «феодализм» – в русской историографии имеет не совсем такое значение, как в западной.

Не то чтобы все западные ученые были едины в определении «феодализма», но большинство из них согласилось бы с тем, что участник настоящего форума Андреас Каппелер пишет о «феодализме в узком смысле». Это отношения «взаимной верности и обязанностей сеньора и вассала» – то, что немецкоязычные ученые называют «Lehnswesen», англоязычные «feudo-vassalic relations», и что по-французски называется «féodalité» под пером тех авторов, которые различают «féodalité» и «féodalisme» (некоторые употребляют эти термины синонимично [см.: Cheyette, 2010, p. 121–122]). Утверждая, что этого «узкого» феодализма на Руси не было, Каппелер выражает общераспространенную точку зрения, которую я недавно пыталась опровергнуть в книге, где я рассматриваю отношения между древнерусскими князьями XII–начала XIII в. сквозь призму feudo-vassalic relations и предлагаю «волость» как ближайший аналог «seigneurie banale» [Mikhailova, 2018]. Судя по первым откликам на книгу, эта идея может быть не столь безумной, как кажется на первый взгляд.

Я, таким образом, начала с ответа на третий вопрос – о том, насколько понятие феодализма применимо к Древней Руси. Моя позиция состоит в том, что оно

применимо к Руси с теми же оговорками что и к «Западу». Я ставлю здесь кавычки, потому что западные медиевисты традиционно выделяли в Европе «феодальную зону», занимавшую только часть Западной Европы, в которую не входили, например, Лангедок и Иберийский полуостров. Границы этой зоны определялись по-разному, но в нее всегда включали север Франции и Англию после нормандского завоевания, которые служили своего рода эталоном феодального общества [см., например: Bloch, 1961, pp. 70, 228]. Таким образом, не вполне правомерно говорить о феодализме на «Западе» вообще.

Столь же неправомерно – учитывая современное состояние медиевистики – говорить о «феодализме» на Западе или где бы то ни было, если придерживаться традиционного взгляда на феодализм как общественно-политическую систему или строй. Именно так понимали феодализм ученые XIX–первой половины XX в., которые вели споры о том, в каких именно средневековых обществах господствовал этот строй. В наше время историки не видят в средневековой Европе ни одного региона, где господствовал бы какой-либо один определенный тип общественно-политической организации, и поэтому практически не используют слово «феодализм». Речь обычно идет о вассально-сеньориальных (вассально-ленных) отношениях внутри социальной верхушки, которые существовали наряду с другими типами общественных связей [Débax, 2003; Das Lehnswesen im Hochmittelalter, 2010; Roach, 2012; West, 2013].

В свое время В.Т. Пашуто, и позже А.П. Толочко, интерпретировали отношения между «младшими» и «старейшими» князьями как «феодальные», но их позиция была отвергнута большинством историков [Древнерусское государство..., 1965, с. 11–77; Толочко, 1992, с. 178; ср. Стефанович, 2008]. Я также нахожу аргументацию Пашуто и Толочко неудовлетворительной, но сама идея представляется мне правильной. Я пыталась показать, что междукняжеские отношения зачастую носили вассально-сеньориальный характер, а само слово «князи» описывало правящий слой аналогичный западноевропейской социальной верхушке, состоявшей из королевских и аристократических семей, граница между которыми на практике была очень размыта.

Обсуждение значений таких слов как «князи» и «волость» приводит нас к вопросу о переводе древнерусских терминов – ведь нахождение современных эквивалентов, о которых говорится в четвертом вопросе, поставленном организаторами форума, является не чем иным, как переводом. Это очень важный и большой вопрос для всех медиевистов, не только русистов. Особенно трудно интерпретировать терминологию источников, созданных в тех средневековых обществах, где юристы и богословы с университетским образованием не существовали или не имели большого влияния (о роли средневековой науки в развитии социально-политической терминологии см. [Reynolds, 1994, pp. 3–6, 68–64, 215–230; Nyams, 2002, p. 21]). Само понятие социально-политического «термина», то есть слова со строго определенным значением, является во многих случаях анахроничным. Слова, означающие

позицию в обществе (например, князь, боярин, смерд, *rex, dux, princeps, villanus*) или, допустим, тип земельной собственности (*fevus, allodus*) зачастую попросту невозможно точно перевести – все они многозначны, и значения меняются в зависимости от контекста.

Попытки установить точное значение средневековых терминов всегда напоминают мне сцену из фильма «Гараж», где герой говорит: «Я за машину родину продал!» Присутствующие в шоке, но тут же выясняется, что слово «родина» в данном случае обозначает деревенский дом, где герой родился и вырос. Как перевести это слово? Даже просто при передаче его на письме по-русски, встает вопрос, писать ли его с заглавной или со строчной буквы. С той же проблемой сталкиваются издатели раннесредневековых источников в англоязычных странах, когда им встречается слово «франк»: оно может означать этническую принадлежность, и тогда должно писаться *Franc*, или социальный статус полноправного, свободного человека – *franc*.

В общем, современных эквивалентов для многих средневековых слов, включая древнерусские, просто не существует. Историк, который хочет максимально точно передать информацию источников, должен употреблять язык оригинала – но тогда он не может проводить сравнительные исследования и делать обобщения, и нет надежды навести мосты между «параллельными вселенными» научных школ, сложившихся в разных странах. При обсуждении конкретных источников, наилучшая практика, как мне кажется, состоит в том, чтобы приводить слова и выражения подлинника и сопровождать их переводом на современный язык или комментарием, поясняющим значение. Сложнее обстоит дело с использованием терминологии источников в обобщающих работах или теоретических дискуссиях. Я не думаю, что тут могут быть какие-то универсальные рецепты – мы каждый раз должны принимать решение для конкретного случая.

Терминологические трудности подстерегают нас с двух сторон: приходится принимать трудные решения не только относительно языка источников, но и относительно языка нашей собственной научной области. Организаторы форума задают важный вопрос о понятии Средних веков в приложении к древнерусской и российской истории. Тем же вопросом задаются и историки многих других стран. Как известно, само название «Средние века» возникло как уничижительное обозначение периода, в котором гуманисты эпохи Возрождения не видели ничего, кроме упадка и варварства. Современные историки не согласны с такой оценкой, но продолжают употреблять это выражение просто по устоявшейся традиции. Можно, таким образом, сказать, что понятие «Средневековье» является проблематичным в приложении к истории любой страны, не только Руси и ее современных наследниц.

Если же убрать из термина «Средние века» оценочный элемент, то он сведется к обозначению периода, пришедшего на смену Античности, что порождает вопрос,

может ли быть «средневековым» общество, не испытывавшее влияния древнего Средиземноморья. Другими словами, могут ли быть Средние века там, где не было Античности? Вопрос этот относится, разумеется, не только к Руси, но и ко многим другим странам, которые иногда называют периферией средневековой Европы [Historical Narratives and Christian Identity, 2011]. Скандинавия и Восточная Европа не имели значительных контактов с древним Средиземноморьем, а Ирландия и Шотландия контактировали только с самой далекой и бедной окраиной Римской империи, так что вряд ли правомерно говорить об их принадлежности к античному миру. Тем не менее, никто, насколько я знаю, не предлагает исключить Шотландию или Норвегию из средневековой истории.

С другой стороны, если у кого-то еще были сомнения, что африканские царства, такие как Нубия и Аксум, находившиеся на территории современных Судана, Сомали и Эфиопии, играли большую роль в истории Древнего мира, то раскопки, связанные со строительством электростанции на Голубом Ниле, показали с полной ясностью, что эти страны имели интенсивные и многосторонние контакты с Древней Грецией и Римом и были полноправной частью античной средиземноморской цивилизации [см., например: Conservation and Management ..., 2011; Anderson, Welsby, 2014]. Таким образом, история значительной части Африки в послеантичный период соответствует хрестоматийному определению Средневековья. Тем не менее, интеграция ее в общую картину Средних веков представляет сложности, связанные с различием позднейших исторических судеб Африки и Европы. Очевидно, что в Новое и Новейшее время отличия между ними были радикальными, но насколько глубоко в прошлое уходят эти отличия?

Под пером одного из ведущих историков поздней Античности и раннего Средневековья П. Брауна пространство от Эфиопии на юге до Скандинавии на севере предстает в виде многочисленных христианских мини-сообществ (micro-Christendoms), связанных между собой экономическими, культурными и религиозными узами, но каждое со своим уникальным характером [Brown, 2003]. Гораздо дальше идут участники проекта «Средние века на земном шаре (Global Middle Ages)», организованного Оксфордским университетом и посвященного мировой истории в период с 500 по 1500 гг. [The Global Middle Ages..., 2018]. Исследования, выполненные в рамках проекта, указывают на параллели в развитии и многообразные формы контактов и взаимодействия между различными, иногда весьма отдаленными обществами по всей Евразии и Африке – части планеты, которую ученые в последнее время все чаще называют Афро-Евразией. Контакты между Восточным и Западным полушарием до 1492 г. были, разумеется, минимальными, но, тем не менее, участники проекта находят некоторые американские параллели к общественным процессам, происходившим в Восточном полушарии.

Публикация результатов проекта вызвала оживленную дискуссию среди историков [см., например: Mostern, 2019]. Критические замечания включали указание на то, что, хотя проект постулируется как глобальный, его хронологические рамки

основаны на периодизации истории Западной Европы. Особенно это относится к датировке конца средневекового периода. Как известно, XVI в. считается началом Нового времени главным образом благодаря Реформации и началу масштабных контактов между Европой и Америкой. Насколько правомерно рассматривать грань XV и XVI вв. как исторический рубеж для стран, которых не касалась Реформация, и которые в течение долгого времени не были затронуты трансатлантическим обменом? Нетрудно заметить, что эти замечания пересекаются с вопросом форума о хронологических рамках (древне)русского Средневековья. Я хотела бы повторить фразу, которая, наверное, уже надоела читателю: на этот вопрос нет однозначного ответа.

То, что столько вопросов остается пока без ответов, собственно говоря, не удивительно – ведь они начали обсуждаться совсем недавно. Редакция научного журнала «Новое прошлое / The New Past» делает большое и важное дело, привлекая русистов для участия в дискуссии на темы, которые волнуют историков разных стран. Я хотела бы закончить выражением благодарности организаторам форума за предоставленную возможность поделиться мыслями о насущных вопросах исторической науки.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Древнерусское государство и его международное значение. Под ред. В.Т. Пашуто, Л.В. Черепнин. М.: Наука, 1965. 476 с.

Стефанович П.С. Князь и бояре: клятва верности и право отъезда // Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С. Древняя Русь: Очерки политического и социального строя. М.: Индрик, 2008. С. 148–269.

Толочко А.П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев: Наукова думка, 1992. 224 с.

Anderson J., Welsby D. *The Fourth Cataract and Beyond: Proceedings of the 12th International Conference for Nubian Studies*. British Museum Publications on Egypt and Sudan, 1. Walpole, MA : Peeters, 2014. 1222 p.

Bloch M. *Feudal Society*. Translated by L.A. Manyon. Chicago: University of Chicago Press, 1961. 240 p.

Brown T. *The Rise of Western Christendom: Triumph and Diversity, A.D. 200–1000*. Hoboken: Blackwell Publishing, 2003. 712 p.

Cheyette F. «Feudalism»: A memoir and an Assessment // *Feud, Violence and Practice: Essays in Medieval Studies in Honor of Stephen D. White*. Ed. by Tuten B., Billado T. Burlington, VT: Ashgate, 2010. Pp. 119–133.

Conservation and Management of Archaeological Sites. 2011. Vol. 13. Issues 2–3: Sub-Saharan Africa.

Débaux H. *La féodalité languedocienne aux XIe–XIIe siècles: serments, sommages et fiefs dans le Languedoc des Trencavel*. Toulouse: Presses universitaires du Mirail, 2003. 407 p.

Das Lehnswesen im Hochmittelalter. Forschungskonstrukte – Quellenbefunde – Deutungsrelevanz. Ed. by Dendorfer J., Deutinger R. Ostfildern: Thorbecke, 2010. 352 p.

Historical Narratives and Christian Identity on a European Periphery: Early History Writing in Northern, East-Central, and Eastern Europe (c.1070–1200). Ed. by Garipzanov I.H. Turnhout: Brepols, 2011. 292 p.

The Global Middle Ages. Past and Present. Ed. by Holmes C., Standen N. Oxford: Oxford University Press, 2018.

Hyams P. *Homage and Feudalism: A Judicious Separation // Die Gegenwart des Feudalismus/Présence du féodalisme et présent de la féodalité/The Presence of Feudalism*. Ed. by Fyrde N., Monnet P. and Otto-Gerhard Oexle O.-G., Veröffentlichungen des Max-Planck-Instituts für Geschichte 173. Göttingen: Vandenhoeck and Ruprecht, 2002. Pp. 13–50.

Mikhailova Yu. *Property, Power, and Authority in Rus and Latin Europe, ca. 1000–1236*. York: Arc Humanities Press, 2018. 244 p.

Mostern R. *Review: The Global Middle Ages: Past and Present, edited by Catherine Holmes and Naomi Standen // Studies in Late Antiquity*. 2019. Vol. 3. Issue 4. Pp. 640–643.

Reuter T. *Medieval Politics and Modern Mentalities*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 483 p.

Reynolds S. *Fiefs and Vassals: The Medieval Evidence Reinterpreted*. New York: Oxford University Press, 1994. 560 p.

Roach L. *Submission and Homage: Feudo-Vassalic Relations and the Settlement of Disputes in Ottonian Germany // History*. 2012. Vol. 97. Pp. 355–379.

West Ch. *Reframing the Feudal Revolution: Political and Social Transformation Between Marne and Moselle, c. 800-c. 1100*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 322 p.

REFERENCES

Drevnerusskoye gosudarstvo i yego mezhdunarodnoye znachenie [Old Russian state and its international significance]. Pod red. V.T. Pashuto, L.V. Cherepnin. M.: Nauka, 1965. 476 p. (in Russian).

Stefanovich P.S. *Knyaz' i boyare: klyatva vernosti i pravo ot'yezda* [The prince and the boyars: the oath of allegiance and the right to leave], in Gorskiy A.A., Kuchkin V.A., Lukin P.V., Stefanovich P.S. *Drevnyaya Rus': Ocherki politicheskogo i sotsial'nogo stroya* [Ancient Rus: Essays on the Political and Social System]. M.: Indrik, 2008. Pp. 148–269.

Tolochko A.P. *Knyaz' v Drevney Rusi: vlast', sobstvennost', ideologiya* [Prince in Ancient Rus: power, property, ideology]. Kiyev: Naukova dumka, 1992. 224 p. (in Russian).

Anderson J., Welsby D. *The Fourth Cataract and Beyond: Proceedings of the 12th International Conference for Nubian Studies*. British Museum Publications on Egypt and Sudan, 1. Walpole, MA : Peeters, 2014. 1222 p.

Bloch M. *Feudal Society*. Translated by L.A. Manyon. Chicago: University of Chicago Press, 1961. 240 p.

Brown T. *The Rise of Western Christendom: Triumph and Diversity, A.D. 200–1000*. Hoboken: Blackwell Publishing, 2003. 712 p.

Cheyette F. "Feudalism": A memoir and an Assessment, in *Feud, Violence and Practice: Essays in Medieval Studies in Honor of Stephen D. White*. Ed. by Tuten B., Billado T. Burlington, VT: Ashgate, 2010. Pp. 119–133.

Conservation and Management of Archaeological Sites. 2011. Vol. 13. Issues 2–3: Sub-Saharan Africa.

Débax H. *La féodalité languedocienne aux XIe–XIIe siècles: serments, hommages et fiefs dans le Languedoc des Trencavel*. Toulouse: Presses universitaires du Mirail, 2003. 407 p.

Das Lehnswesen im Hochmittelalter. Forschungskonstrukte – Quellenbefunde – Deutungsrelevanz. Ed. by Dendorfer J., Deutinger R. Ostfildern: Thorbecke, 2010. 352 p.

Historical Narratives and Christian Identity on a European Periphery: Early History Writing in Northern, East-Central, and Eastern Europe (c.1070–1200). Ed. by Garipzanov I.H. Turnhout: Brepols, 2011. 292 p.

The Global Middle Ages. Past and Present. Ed. by Holmes C., Standen N. Oxford: Oxford University Press, 2018.

Hyams P. *Homage and Feudalism: A Judicious Separation*, in *Die Gegenwart des Feudalismus/Présence du féodalisme et présent de la féodalité/The Presence of Feudalism*. Ed. by Fyrde N., Monnet P. and Otto-Gerhard Oexle O.-G., Veröffentlichungen des Max-Planck-Instituts für Geschichte 173. Göttingen: Vandenhoeck and Ruprecht, 2002. Pp. 13–50.

Mikhailova Yu. *Property, Power, and Authority in Rus and Latin Europe, ca. 1000–1236*. York: Arc Humanities Press, 2018. 244 p.

Mostern R. Review: *The Global Middle Ages: Past and Present*, edited by Catherine Holmes and Naomi Standen, in *Studies in Late Antiquity*. 2019. Vol. 3. Issue 4. Pp. 640–643.

Reuter T. *Medieval Politics and Modern Mentalities*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 483 p.

Reynolds S. *Fiefs and Vassals: The Medieval Evidence Reinterpreted*. New York: Oxford University Press, 1994. 560 p.

Roach L. Submission and Homage: Feudo-Vassalic Relations and the Settlement of Disputes in Ottonian Germany, in *History*. 2012. Vol. 97. Pp. 355–379.

West Ch. *Reframing the Feudal Revolution: Political and Social Transformation Between Marne and Moselle, c. 800-c. 1100*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 322 p.

СВОЕВРЕМЕННАЯ НЕСВОЕВРЕМЕННОСТЬ

И.Л. Андреев

Аннотация. Статья посвящена дискуссиям о дефинициях, связанных со средневековой русской историей. Автор отстаивает точку зрения, согласно которой «вопрос о понятиях» является одной из наиболее сложных проблем гуманитарного знания и требует особо деликатного отношения. В качестве примера подобных дискуссий автор рассматривает такие категории как «феодализм» и «Смута». Высказывая сомнение в том, что юридический признак может быть критерием в определении сословия применительно к Русскому государству XVII в., автор предлагает отталкиваться от конкретных исследований для того, чтобы наполнять термины реальным содержанием. Такой подход позволяет ему сделать вывод о том, что на первый план в восприятии сословности выходят не юридические признаки, а способность отстаивать на деле свои базовые интересы, при сохранении наследственного состояния. Подводя итог своим размышлениям, автор заявляет о поддержке идеи А.В. Корневского, лежащей в основе рубрики «Дискуссия» данного номера, но при этом высказывает сомнение в готовности исторического сообщества договариваться о дефинициях.

Ключевые слова: русское Средневековье, дефиниции, «феодализм», «Смута».

Андреев Игорь Львович, кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Отечественной истории Института гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет, 129226, Россия, г. Москва, 2-ой Сельскохозяйственный проезд, 4, andreev_hist@mail.ru.

TIMELY UNTIMELINESS

I.L. Andreev

Abstract. The article is devoted to the discussions about definitions associated with medieval Russian history. The author defends the point of view that the “question of concepts” is one of the most difficult problems of humanitarian knowledge and it requires a particularly delicate attitude. As an example of such discussions, the author analyzes such categories as “Feudalism” and “Smuta”. Expressing doubts that a legal characteristic can be a criterion in defining an estate in relation to the Russian state of the 17th century, the author proposes to start from specific studies in order to fill the terms with real substance. This approach allows the author to conclude that the perceptions of estates depends not on a legal criterion, but on the ability to defend in practice basic interests while maintaining the inherited fortune. Supporting the idea of A.V. Korenevsky, which forms the basis of the “Discussion” section, the author draws a conclusion and expresses doubts about the willingness of the historical community to agree on definitions.

Keywords: Russian Middle Ages, definitions, “Feudalism”, “Smuta”.

Нам ближе позиция А.А. Горского, которой справедливо отмечал, что в спорах о понятиях «отправной точкой в них служили не реалии общественного устройства, а дефиниции», тогда как «плодотворнее кажется противоположный путь – попытаться обобщить реалии, выявленные путем конкретных исследований, а затем договориться о дефинициях» [Горский, 2008, с. 25]. Кажется, и сам А. Кореневский склоняется к этой точке зрения. Вот только одна беда: приступая к конкретному исследованию, историк принужден использовать уже имеющиеся в его арсенале дефиниции, равно как и связанные с ними модели-гипотезы, которые в конечном итоге или будут опровергнуты, или получат новые подтверждения.

В любом случае надо договариваться о содержании понятий, о смыслах. А вот это как раз «ахиллесова пята» современного состояния истории. В советский период, по понятным причинам, категории и понятия были строго очерчены. Попытка изменить их границы, вторгнуться в содержание, как известно, приводили к печальным результатам. Даже после преодоления «людоедских времен» 30-х годов прошлого века, пределы свободы были ограничены обвинениями в потакании псевдонаучным буржуазным теориям и отступлению от марксизма. Обретение методологической свободы обернулось разногласием и утратой умения договариваться. Причин тому много – от амбиций исследователя до желания обрести безграничную творческую свободу, которая ассоциируется с ниспровержением авторитетов. Строго говоря, перед нами болезнь подросткового возраста, только чрезмерно затянувшаяся. Но так или иначе, а договариваться придется. В противном случае к разделению на «наш» и «чужой» добавится еще разговор глухонемого со слепым.

Но что значит договариваться? Начнем с близкого нам примера, с понятия «сословие», являющегося смежным по отношению к концепту «феодализм» и, по большому счету, неотделимого от него. Привнесен он был немецкими историками XVIII в., для которых главным признаком в этом понятии было наличие юридически четко прописанных прав и обязанностей, передаваемых по наследству. Данный подход отражал такую особенность культуры Запада, как ключевая роль права в жизни общества. Естественно, по европейским меркам становление сословий в Московском государстве «откладывалось» в лучшем случае до XVIII в. Такой подход позднее успешно вписался в последующие концепты, став одним из аргументов в обоснование равно и отсталости страны от Европы, и низких темпов развития, и особого пути развития. Однако насколько уместно признавать доминирование юридического признака в определении сословия применительно к Русскому государству, к примеру, XVII в.? Или иначе: переносить западноевропейские признаки при том, что передаваемый по наследству социальный и, отчасти, юридический статус, уже ощутимо присутствует в жизни. Обращение же к реалиям социальной истории XVII в. позволяет говорить о способности дворянства осознать свои базовые интересы, организовать и солидарно действовать, привлекая в ряде случаев иные слои общества. Таким образом, на первый план в восприятии сословности выходят

вовсе не юридические признаки, а способность отстаивать на деле свои базовые интересы при сохранении главного — наследственного состояния. При этом дворянство выступает как несомненный субъект истории, вступает в диалог, пусть и не равный, с властью. На наш взгляд, это как раз то, к чему очевидно призывают историки — отталкиваться от конкретных исследований, наполнять термины реальным содержанием.

Однако — повторим общеизвестное — дефиниции, от которых мы отталкиваемся в начале своих изысканий, даны нам как результат определенных умозрительных конструкций, нередко возведенных на иной основе. И едва ли можно найти универсальный рецепт, чтобы выпрыгнуть из этого заколдованного круга сосуществования абстракции и реальности.

Какие-то предложения автора статьи нам представляются не совсем корректными. Очевидно давление историографической традиции, так что рассуждения о том, что же лучше — понятие, взятое из самой эпохи, или привнесенное в последующем исследователями, едва ли имеет смысл. По нашему убеждению, единого правила быть не может. Все расставит по местам время. В этом плане сошлемся на известный прецедент с определением событий начала XVII в. В советской послевоенной историографии это — первая крестьянская война в России, отягченная иностранной интервенцией [Зимин, 1954; Корецкий, 1959; О крестьянской войне..., 1961; Крестьянские войны в России, 1974]; на излете существования СССР — первая гражданская война в России [Станиславский, 1990]. В настоящее время исследователи, по сути вернулись к самоназванию, в свое время воспринятому историками XIX–начала XX в. — Смута [Платонов, 2013; Кобрин, 1991; Козляков, 2007; Селезнев, 2015]. Надо признать, что в этом случае концепт «Смута» оказался наиболее приемлемым, поскольку он вобрал и очертил все политические и социокультурные проявления этого драматического периода, в результате чего оказался самым адекватным. Но это — скорее стихийный результат, отражающий понимание того, что содержание Смуты не «умещается» ни в одно прежнее определение. Но означает ли это необходимость всегда следовать подобному правилу? Едва ли.

В принципе само признание наличия «изъянов нашего аналитического языка» — несомненный шаг вперед. Но надо менять рефлексию: подвижность дефиниций, отчасти связанная и с этими «изъянами», — явление вполне естественное. Попытаться создать идеальные дефиниции — все равно что стремиться достичь линии горизонта: стремится надо, но вот достигнуть... В этой связи позволим себе вернуться к несколько замысловатому названию нашей реплики. Несомненно, по поводу дефиниций надо договариваться. С учетом всех сложностей. Так что инициативу А. Корневского можно только приветствовать. Вот только созрело для этого само историческое сообщество? Ведь важен не столько призыв, сколько готовность к консенсусу.

«Сверять часы» необходимо. Но пришло ли время?

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Горский А.А. О «феодализме»: «русском» и не только // *Средние века*. 2008. Т. 69. № 4. С. 9–26.
- Зимин А.А. Некоторые вопросы истории крестьянской войны в России в начале XVII в. // *Вопросы истории*. 1954. № 6. С. 97–113.
- Козляков В.Н. Смута в России. XVII век. М.: Омега, 2007. 528 с.
- Кобрин В.Б. Смутное время – утраченные возможности // *Очерки истории России IX–начала XX века*. М.: Политиздат, 1991. С. 163–185.
- Крестьянские войны в России: проблемы, поиски, решения / Отв. ред. Л.В. Черепнин. М.: Наука, 1974. 447 с.
- Корецкий В.И. Из истории крестьянской войны в России начала XVII века // *Вопросы истории*. 1959. № 3. С. 118–137.
- О крестьянской войне в Русском государстве в начале XVII в.: Обзор дискуссии // *Вопросы истории*. 1961. № 5. С. 102–120.
- Платонов С.Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI–XVII веков: Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время. СПб.: Наука, 2013. 400 с.
- Селезнев Ф.А. Нижегородцы и преодоление Смуты (1606–1618). Н. Новгород: ДЕКОМ, 2015. 144 с.
- Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М.: Мысль, 1990. 270 с.

REFERENCES

- Gorskiy A.A. O "feodalizme": "russkom" i ne tol'ko [On "feudalism": "Russian" and not only], in *Sredniye veka*. 2008. T. 69. № 4. Pp. 9–26 (in Russian).
- Zimin A.A. Nekotoryye voprosy istorii krest'yanskoy voyny v Rossii v nachale XVII v. [Some questions of the history of the peasant war in Russia at the beginning of the 17th century], in *Voprosy istorii*. 1954. № 6. Pp. 97–113 (in Russian).
- Kozlyakov V.N. *Smuta v Rossii. XVII vek* [Troubles in Russia. 17th century]. M.: Omega, 2007. 528 p. (in Russian).
- Kobrin V.B. Smutnoye vremya – utrachennyye vozmozhnosti [Time of Troubles – Lost Opportunities], in *Ocherki istorii Rossii IX–nachala XX veka* [Essays on the history of Russia in the 9th–early 20th centuries]. M.: Politizdat, 1991. Pp. 163–185 (in Russian).
- Krest'yanskiye voyny v Rossii: problemy, poiski, resheniya* [Peasant wars in Russia: problems, searches, solutions]. Отв. ред. L.V. Cherepnin. M.: Nauka, 1974. 447 p. (in Russian).
- Koretskiy V.I. Iz istorii krest'yanskoy voyny v Rossii nachala XVII veka [From the history of the peasant war in Russia at the beginning of the 17th century], in *Voprosy istorii*. 1959. № 3. Pp. 118–137 (in Russian).

O krest'yanskoj vojne v Russkom gosudarstve v nachale XVII v.: Obzor diskussii [On the peasant war in the Russian state at the beginning of the 17th century: Review of the discussion], in *Voprosy istorii*. 1961. № 5. Pp. 102–120 (in Russian).

Platonov S.F. *Ocherki po istorii smuty v Moskovskom gosudarstve XVI–XVII vekov: Opyt izucheniya obshchestvennogo stroya i soslovnnykh otnosheniy v Smutnoye vremya* [Essays on the History of Troubles in the Muscovite State of the 16th–17th Centuries: Experience in Studying the Social System and Class Relations in the Time of Troubles]. SPb.: Nauka, 2013. 400 p. (in Russian).

Seleznev F.A. *Nizhegorodtsy i preodoleniye Smuty (1606–1618)* [Nizhny Novgorod residents and overcoming the Troubles (1606–1618)]. N. Novgorod: DEKOM, 2015. 144 p. (in Russian).

Stanislavskiy A.L. *Grazhdanskaya vojna v Rossii XVII v.: Kazachestvo na perelome istorii* [The Civil War in Russia in the 17th century: Cossacks at the turn of history]. M.: Mysl', 1990. 270 p. (in Russian).

ЦЕЗУРЫ И БИФУРКАЦИИ В ИСТОРИИ РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И ДРЕВНЕЙ РУСИ

Людвиг Штайндорфф

Аннотация. Развитие земель бывшей Киевской Руси пошло разными путями лишь после монгольского нашествия. В период «второго возвышения» северных княжеств мы обнаруживаем много параллелей с событиями времени Высокого Средневековья на Западе. «Русское Средневековье» также завершается примерно в 1500 г. В то же время категория «Древняя Русь», охватывающая всю допетровскую эпоху, сохраняет свое значение. Киевская Русь ориентировалась как на православные, так и на Западные страны. Структурные различия между Московским государством и Западными странами того времени более очевидны. Категория феодализма, безусловно, применима к домодерной русской истории. Но по сравнению с Западной Европой эти отношения были менее дифференцированы в юридическом отношении. Современная историография должна придерживаться терминологической стандартизации на основе исходного языка. Всякое использование «универсальной терминологии» таит в себе опасность упрощения и неточных ассоциаций.

Ключевые слова: русское Средневековье, Западная Европа, позднее Средневековье, историография.

CAESURAE AND BIFURCATIONS IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN MIDDLE AGES AND OF OLD RUSSIA

Ludwig Steindorff

Abstract. Only after the Mongol raids did the territories of former Kievan Rus' follow clearly different ways. Within the "second take off" in the northern principalities we encounter many parallels with developments in the West during the High Middle Ages. Also the "Russian Middle Ages" ends at about 1500. At the same time the category of *Drevniaia Rus'*, comprising the whole Pre-Petrine era, retains its value. The orientation of Kievan Rus' was towards to the other Orthodox as well as to the Western countries. Structural differences between Muscovy and its contemporary Western neighbors are more obvious. The category of feudalism is certainly applicable to pre-modern Russian history. But compared to Western Europe it was legally much less differentiated. Modern historiography should keep as far as possible to a terminological standardization on the basis of the source language. Every use of a "universal terminology" includes the danger of simplification and imprecise associations.

Keywords: Russian Middle Ages, Western Europe, the High Middle Ages, historiography.

The invitation to participate in this special volume appeared as a challenge from the start. As some colleagues whom I told about the project confirmed, the catalogue of four intertwined questions, arranged by the editors of this special volume, is quite ambitious. It demands general reflections about one's work on Russian history and obliges me to determine my position concerning the catalogue. Of course, I am conscious about the fact that these answers are not just my own ones, but are much influenced by the historiographical discourse in which I have participated for many years.

Soon I realized that I encountered each question many times before, while working on various topics. In the introduction to my monograph "Memoria in Altrussland" (1994) about Christian forms of care for the deceased by charity, donations and liturgical commemoration I had to explain to the German reader the term "Altrussland" ("Old Russia") in the title: The book refers to the entire historical space of Kievan Rus', but for the later times it is strongly concentrated on the space of the Muscovite state. As indicated by the title, it hardly takes into account the former territories of Kievan Rus', then under Polish-Lithuanian rule. Are the phenomena from the 16th and 17th century which I presented in this book and in numerous further publications, to be characterized as medieval despite the time? Besides, I had to find adequate solutions concerning how to present special Old Russian terms in German.

And the question, to which degree historical culture in Early Modern Muscovy presents a specific case within Europe or if it just follows general patterns, played a crucial role when I participated in the project *Post-Drevniaia Rus'*, developed and monitored by Andrei Doronin from the German Historical Institute at Moscow.

1. Russian Middle Ages vs. Old Russia

The answer to the first question partly already includes the answers to the other three questions. We have to be conscious about the fact, that any periodization is ultimately arbitrary, that it is reasonable and adequate depending on the chosen question. It is established only in retrospect, notwithstanding the point that contemporaries of events which are later declared as caesurae often perceive and surmise that these events may end in a caesura between eras.

For me, the Middle Ages is an absolute category, which is defined as the period from about 500 until about 1500, between Antiquity and the Renaissance, the beginning of the Modern Era. Depending on the region and on criteria, the chronological framing strongly varies referring to the beginning, less to the end of the Middle Ages. There are two crucial characteristics of the Middle Ages for the entire era: One refers to the Christianization of the whole of Europe including the distinction between Eastern and Western Christianity and the strong structuring of time by the semantics of Christianity. The other is feudalism, whereby power and wealth relied primarily upon the disposition of land and of people who tilled this land.

Regardless of the fact that the Muscovite state even in the 17th century shows characteristics which resemble medieval societies, the "Russian Middle Ages" ends for

me at about 1500, which only incidentally fits with the territorial consolidation of the Muscovite state by the integration of Novgorod and of Pskov approximately at that time and with the end of the “republican alternative” to autocracy.

While using the term “Russian Middle Ages” or for instance “German Middle Ages”, we should avoid the assumption that there existed various “national” Middle Ages. We only look for specific phenomena within one space or one realm during the absolute period of the Middle Ages. In fact, the “Russian Middle Ages” refers to the “Russian lands during the Middle Ages” and to the heritage of Russia from that time. The advantage of the term “Russian Middle Ages” – or for instance “German Middle Ages” as well – consists in not containing any implications to borders and size of “Russia” respectively “Germany” at various times.

Which were specific characteristics of the Russian Middle Ages? As in other regions of “New Europe”, i. e. the parts of Europe outside the boundaries of the former Roman Empire, the forming of statehood started at a comparatively late time. It was concentrated on the centers of secular and ecclesiastical power and only slowly penetrated the whole of the territory. The Christianization of Kievan Rus’ belongs to the same time layer as the baptism of Poland and Hungary. Of course there were various structural preconditions which made the Christianization of Rus’ by Byzantium more probable than from the West. But at the end the tale in *Povest’ vremennykh let* about the conscious choice by Vladimir among Islam and Western or Eastern rite of Christianity correctly illustrates the crucial bifurcation, which would set the future course of the history of all Eastern Slavs in many ways.

Christianization served as impulse for trade and cultural contact, and the dynasty of Riurikids was integrated in the “Family of kings” by marriage and godparenthood. Contacts to the West via the Baltic Sea as well as via Hungary and Poland became closer due to urban colonization and the development of trade.

As for me, the next caesura in the history of Russia after baptism is reached only at the time of the Mongol raids. Notwithstanding some turning points within the dynastic constellation, the era of Kievan Rus’ is characterized by continuous, slow structural changes und developments: expansion to the Northeast, rise of new centers, inner differentiation, processes of colonization, and enlarging and branching out of the dynasty.

Only after the Mongol raids did the territories of Rus’ follow clearly different ways. The principalities in the south and in the southwest were subsequently integrated into Lithuania and Poland. Despite the unquestioned dominance of Orthodox religious culture, including Cyrillic writing culture and East Slavic language practice, Ruthenia was strongly influenced from the West including the forming of church brotherhoods following the Catholic example and granting the Magdeburg law to many cities. As in the West where the “communal revolution” had started in the 12th century, also here the urban commune, a defined group of citizens, was formed in many places during the 14th century. Only due to the establishment of the hetmanate and its vain attempt to preserve a position independent of the Polish-Lithuanian Commonwealth under Muscovite protection, did Kiev

and the eastern parts of Ruthenia come finally under Muscovite rule in 1667. From the Muscovite point of view, they were reunited under one common Orthodox ruler.

The northern principalities remained under Mongolian overlordship for two centuries. At the same time the "gathering of the Russian lands" by Moscow advanced. This process was supported by the facts that just the prince of Moscow succeeded in permanently retaining the title of the "Grand Prince", and that the residence of the metropolitan, after the move from Kiev to Vladimir in 1299, was transferred to Moscow in 1325. So, this city was predestinated as early as in the second quarter of the 14th century to become a strong center of secular and ecclesiastical power. This position was confirmed even more when the church in Muscovy gained de facto autocephaly in 1448.

Certainly there are important elements of continuity between the Kievan Rus' and Muscovy: dynasty, ecclesiastical hierarchy, religious culture, chronography, language and the ethnic name. All the same the development in the north is a new start, recognizable also in the official parts of *sinodiki*. Most of them stress the continuity and start from Grand Prince St. Vladimir, but others start only from Prince Daniil Aleksandrovich of Moscow.

Within this "second take off" we encounter many parallels with developments in the West during the High Middle Ages, including the role of monasteries primarily as centers of care for the deceased and of growing wealth thanks to large donations. The structure of the land possessions has much in common with land holdings of Western monastic communities.

But in Muscovy as well as in Novgorod and Pskov we do not find any traces of the structural unification as we meet it all over Western Europe by the ubiquitous formalization and legal corroboration of horizontal relations: by forming urban and rural communes, by urban councils, by religious orders, by estates, and finally by universities.

The urban *veches*, which we know from numerous towns of the Rus', served certainly for a kind of horizontal decision making and political participation. But they disappeared in most towns, and in Novgorod and Pskov they were never formalized in a way similar to Western communes. This autochthonous development of urbanity within Russia was finally cut off by the establishment of the Muscovite rule over the two cities.

Within a broader European context, it may be very helpful to start from the general periodization and to speak about the "Russian Middle Ages" until about 1500. But looking at the important internal developments including cultural life, the category of *Drevniaia Rus'*, comprising the whole Pre-Petrine era, retains its value. Of course, *Drevniaia Rus'* is not a compact unit, we have to differentiate clearly between the period of the Kievan Rus' which is the common heritage of all East Slavic nations, Russians as well as Ukrainians and Belorussians, and the Muscovite period.

The consolidation and expansion of the Muscovite state continued beyond the Middle Ages, during the 16th century. We may mention as important steps the coronation of Ivan IV Vasil'evich as tsar in 1547, the beginning of the integration of Muslim regions

by the seizure of Kazan' in 1552, and the establishment of the patriarchate including canonically sanctioned autocephaly in 1589. But at that moment the country had entered already a state of latent crisis due to the desertification process, to the devastations during the *oprichnina* and the lost Livonian war. So I am wondering if the *smuta* itself was such a deep caesura. Certainly, the change of the dynasty took place under chaotic circumstances, and alternative ways seemed to be ahead. But were the structures of the Muscovite state finally really deeply affected? What was really different after the consolidation during the next two decades?

Certainly the 17th century appears as a somehow transitory period, when the history of Russia and its Western neighbors became much more entangled and Western knowledge and technology gained a stronger importance. But there is one central reason why the 17th century firmly belongs to the era of *Drevniaia Rus'*: The general hostile attitude of the elite towards the "West" – at that time in the sense of Catholicism and Protestantism – remained unchanged. Tsar Aleksei Mikhailovich kept still strictly to the legitimation of his rule by Orthodox religiosity. Only under Peter the Great did the paradigm change: now the West was declared as the positive model. A new era with the new center of Saint Petersburg started.

2. Demarcations between the Russian and the West European Middle Ages

It is somehow a simplification to contrast Russia and only Western, Catholic Europe during the Middle Ages. The whole of Europe at that time comprised also Byzantium and the Orthodox states in South Eastern Europe. Certainly, contemporary "Western" historiography is concentrated on Italy, France, England and Germany, and it is true and regrettable, that "Western" historiography on the Middle Ages widely neglects the history of the Eastern Slavs in general. But this lack refers also to Southeastern Europe and to a lesser degree to Poland, the Iberian Peninsula and Scandinavia. It should be a general task of medieval studies to take greater account of the whole of Europe. The diversity of the Middle Ages would certainly become more obvious.

Notwithstanding the peripheral geographical position of Kievan Rus', its main political, religious and cultural orientation was towards Europe, to the other Orthodox as well as to the Western countries.

Structural differences between Muscovy and its contemporary Western neighbors are more obvious due to the orientation of Muscovy also towards the Muslim world of the steppes and due to the increasing alienation of the Eastern and the Western church, from each other. Structural parallels in the West on the one hand and in Muscovy on the other – for instance the role of monasteries and landholding – refer to different times, as they appear some centuries later in Muscovy. And as I would like to stress again, Muscovy remained outside the world of formalized and legally sanctioned horizontal social relations.

Still, despite the obvious structural differences within one time – the parallels of the non-contemporaneous, at the latest since the end of the 15th century contacts became

closer, and Muscovy started to be a factor in the network of European powers including the Ottoman Empire. Following the Renaissance pattern, we meet also in the Muscovite historiographical discourse, starting with the *Skazanie o kniaziakh vladimirskikh* some attempts to integrate the developing narrative about the own *Origo gentis* into the world of the Greek-Roman Antiquity.

3. Is the concept of feudalism applicable to Russian history?

For me, this is the simplest question: As obvious from the foregoing passages, I certainly consider the category of feudalism to be applicable to pre-modern Russian history, even more to the Muscovite era than to the Kievan. As soon, as the prince's entourage was no longer rewarded by booty, but by land, feudalism developed.

But compared to Western Europe feudal structures were legally much less differentiated. The "gathering of the Russian lands" did not result in a multi-levelled pyramid of fairly autonomous "fiefs" with the grand prince at the top. Despite immunity privileges, the Grand prince always retained political prerogatives.

4. How to "translate" the language of the sources into modern historiography?

I would like to avoid an unambiguous answer to this question. As far as possible I prefer a terminological standardization on the basis of the language in the sources themselves. If these use various terms for the same "thing", it is reasonable to present all terms, but to define one of these terms as the standard within the modern text. As for modern foreign language texts, also loan translations from (Old) Russian into the foreign language are legitimate. So starting from the broadly varying designations of the books for the two types of liturgical commemoration in Muscovite monasteries, I defined the designations *vechnyi sinodik* and *povsednevnyi spisok* as the two standard terms for these books, and I even created loan translations "Eternal sinodik" and "Daily list", respectively "Ewiger Sinodik" and "Tägliche Liste". But any attempt to find an adequate English (or German) translation of the Russian term *sinodik* is doomed to fail, "memorial list" would be ambiguous without further explanations just on the basis of the term *sinodik* itself. So as well in modern Russian as in foreign-language texts I normally use the "archaic" terms and explain them in advance.

In general, the more specific the topic, the more advisable it is to keep to a standardization on the basis of the source terminology. Every use of a "universal terminology", for instance "feudalism" or "kighthood", may help to turn attention to structural parallels, but it includes the danger of simplification and imprecise or even wrong associations.

Finally: Definitions of chronological frames and of a consistent terminology do not serve for the establishment of an unquestionable unique historical narrative. They should be an aid to an adequate reconstruction of elements of the past, and they may facilitate the understanding of historical processes as well within one country as on a comparative level.

REFLECTIONS ON THE FOUR QUESTIONS IN FORMER PUBLICATIONS OF THE AUTHOR:

Вклады и поминание в Московском государстве – явление средневековья или раннего нового времени? // *Зубовские чтения*. Выпуск пятый. Памяти выдающего российского ученого Алексея Ильича Комеча. Александров: Музей-заповедник «Александровская Слобода», 2010. С. 113–136.

«Правильно ли считать Новгород коммуной?» // *Споры о новгородском вече: междисциплинарный диалог: Материалы круглого стола (Европейский университет в Санкт-Петербурге, 20 сентября 2010 г.)* / Отв. ред. М.М. Кром. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. С. 228–241.

«Синописис» как «место памяти» руси (статья, сопровождающаяся размышлениями о том, можно ли концепцию «мест памяти» переносить на раннее Новое время) // «Места памяти» руси конца XV–середины XVIII в. Отв. ред. А.В. Доронин. Москва: РОССПЭН, 2019. С. 14–24.

Donations and Commemorations in the Muscovite Realm – A Medieval or Early Modern Phenomenon? // *Religion und Integration im Moskauer Russland. Konzepte und Praktiken, Potentiale und Grenzen, 14–17. Jahrhundert*. Ed. Ludwig Steindorff. Wiesbaden: Harrassowitz, 2010. Pp. 477–498.

Memoria in Altrußland. Untersuchungen zu den Formen christlicher Totensorge. Stuttgart: Steiner 1994, S. 14–16 (Chapter Zeit-Raum Altrußland [Time and space of Old Russia]).

РУСЬ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕ: ОСМЫСЛЕНИЕ ИСТОРИОГРАФИИ

Кристиан Раффеншпергер

Аннотация. Что значит «средневековый», и что такое «Средние века»? Наконец, каким временем датировать «Средневековье»? Эти вопросы дебатировались на протяжении многих лет. Однако восточноевропейское Средневековье, и в частности Русь, как правило, оставались вне рамок этих дискуссий. Истории России, Украины, Польши и Венгрии, например, в течение долгого времени рассматриваются, как правило, по-отдельности, но не как элементы горизонтального общеевропейского спектра. В данном отклике на вопросы дискуссии представлена точка зрения американского ученого на состояние исследований средневековой Руси, проблемы нации и национализма в медиевистике, а также видение дальнейших перспектив развития данного направления историографии (преимущественно англоязычной, а не российской). В конечном счете цель видится в том, чтобы вывести исследования Руси и других восточноевропейских политий за рамки узких обособленных историографических контекстов и вновь сделать их частью средневековой Европы.

Ключевые слова: Средние века, средневековая Европа, средневековая Русь, восточноевропейское Средневековье.

RUS' IN MEDIEVAL EUROPE: A CONSIDERATION OF HISTORIOGRAPHY

Christian Raffensperger

Abstract. What is Medieval and what are the Middle Ages? Not to mention when are the Middle Ages? These questions have been hotly debated topics for a number of years. However, the Eastern European Middle Ages, and Rus' in particular, have been typically left out of those discussions. Histories of Russia, Ukraine, Poland, and Hungary (as examples) are typically considered in silos over time rather than as part of a horizontal spectrum across Europe. This forum response discusses the perspective of an American academic on the state of the field of Medieval Rus'; issues of nation and nationalism in medieval studies; as well as suggesting possibilities to move the field in a more unified (less Russian v. Anglophone) direction. The ultimate goal would be to remove Rus', and other Eastern European polities, from their respective silos and make them once more, part of Medieval Europe.

Keywords: the Middle Ages, Medieval Europe, Medieval Rus', Eastern European Middle Ages.

As a preface to my discussion of these forum questions, I would like to do two things. The first is to thank Andrey Korenevskiy for reaching out to include me in this conversation. I am very glad that there are so many voices (as well as regions and perspectives) included here. The second, and related item, is to note my own identity and background. While this might seem postmodern, or too postmodern, to some I believe that it is important to situate me in my understanding of, and approach to, the medieval past¹. First of all, I am an American, born during the late Cold War, but who came of age, and became an adult and a scholar after the fall of the Soviet Union. Why is this important? Well, with regard to being an American, I live in a country without a medieval past. There are no medieval monuments anywhere to be seen, and no medieval past to defend – not to mention the fact that many Americans are ignorant of, and uninterested in, the past in general. I do not have a medieval context surrounding me, and thus medieval history is something for the classroom and scholars, not for claiming or participating in discussions regarding national identity. As for my age, I grew up without a dividing line between East and West in Europe; there was just Europe, or occasionally old and new Europe. Thus, when I read classic works like Dimitri Obolensky's *Byzantine Commonwealth*, I was puzzled to see modern Cold War political boundaries read back into the past, as such boundaries were not a part of my life [Obolensky, 1971]. This shaped my conception of medieval Europe when I did the research for, and wrote, my first monograph – *Reimagining Europe: The Place of Kievan Rus' in the Medieval World* [Raffensperger, 2012].

1) and 2) With that information as an introduction, I can move on to address some of the questions that are part of this forum in a way that might make my background and where I am coming from, more clear. The first two questions regarding the “Russian Middle Ages” and a separation between the West and Russia in the middle ages are inextricably linked in my mind and thus I will discuss them in conjunction. I would note as a starting point, that I do not see a Russian middle ages when I look at the sources. When I read the sources I see that there was a medieval kingdom known as Rus', who had multiple kniazia (kings – as I will discuss below). Though perhaps an unpopular opinion in Russia today, this is not Russia. Russia is a modern nation that has been read back into the medieval period to take and claim space and ideas to justify various actions and identities. Vladimir Putin's annexation of the Crimea and proxy war in eastern Ukraine have been justified by him as based on Russia's historic claims to the heritage of Kievan Rus'². If we act with historical accuracy and separate Rus' from Russia (and from Ukraine) then we can divorce those claims of territorial annexation from any historical legitimacy and label them as the land grab that they are.

Taking the kingdom of Rus' then as our center, it was the territorially largest kingdom in medieval Europe. Yet, for many, many years it has been dealt with as a separate entity from the rest of medieval Europe. Obolensky did not create the idea of the Byzantine Commonwealth, he only codified it. Partly because of a whole series of events from the Enlightenment

¹ I expand on this idea in an article “Reimagining Europe: An Outsider Looks at the Medieval East-West Divide” [Raffensperger, 2018].

² In the linked speech, Putin calls Ukraine and Russia one nation and asserts that Kiev is the mother of Russian cities; a clear attempt to utilize medieval history to claim modern territory [Transcript].

onward, Russia, and the past associated with it, was addressed as “East” and “other”¹. In the medieval world this linked it with Byzantium, not with “the West.” And yet, when one looks at the historical sources it is easy to see a plethora of connections between Rus’ and the rest of medieval Europe. There are the many marriages that were made between the ruling family of Rus’ (the Volodimerovichi, often anachronistically referred to as the Riurikids), there are trading connections (and not just through the Hansa in the Baltic, but through east-west land trading routes), there are religious connections with the papacy, Poland, Scandinavia, and elsewhere². These webs of connections help tie Rus’ into the larger medieval European world and very firmly make it part of medieval Europe; not “the East” or “the Other.”

Taking this idea a step further, and again basing it on Rus’, we can say that Rus’ is part of medieval Europe throughout its history. This is another benefit of disconnecting Rus’ from “Russia” in our understanding of the medieval past. After the dissolution of central control of Rus’ in the twelfth century, the narrative of Russian history is that power moved to the northeast, to Vladimir-Suzdal, and this was cemented during and after the Mongols with the rise of Moscow. If, instead, we focus on Rus’, we can see that Kiev and its environs continued to exist and thrive in the twelfth and early thirteenth century. Galicia and Volhynia as well, had their own history in this period, as did Novgorod, Polotsk, and elsewhere. Those areas of Rus’ continued to maintain connections with the rest of medieval Europe. The history of Novgorod is the most well documented, and well known in secondary sources in Anglophone literature, but Galicia-Volhynia in particular was deeply integrated into the history of medieval Poland, Hungary, and the Roman Empire (Byzantium)³. Ending up at this point, of seeing Rus’ (in all of its component pieces) as part of medieval Europe, demonstrates why it is important to establish Rus’ as our medieval base and to pay attention to terminology.

4) As noted earlier when discussing the integration of Rus’ into medieval Europe, I believe strongly that terminology, and historically accurate terminology, is particularly important. The linguistic turn, which has taken a while to get to medieval studies and longer to get to Slavic studies, has been an important development in scholarship of the twenty-first century [Surkis, 2012]. Moreover, I would suggest that to best reach the broadest audience, we need to use understandable and broadly applicable terms. For instance, if we are going to use “king” for the ruler of France, we should not use “kniaz” for the ruler of Rus’, and “konungr” for the ruler of Sweden. I have written about the importance of terminology in my *Kingdom of Rus’*, where I made the argument that kniaz’ should be translated; and not as prince or as duke, but as king [Raffensperger, 2017]. This has

¹ The classic work on this divide is by Larry Wolff, though Paul Milliman has pushed the date back earlier in, as yet, unpublished work [Wolff, 1994].

² I explore all of these issues in a broad way in my “Reimagining Europe”. But I have done extensive work as well with the marriages which can be found online at genealogy.obdurodon.org and at gis.huri.harvard.edu/rusgen as well as in “Ties of Kinship: Genealogy and Dynastic Marriage in Kyivan Rus” [Raffensperger, 2016].

³ This was well established already in the late nineteenth and early twentieth century as can be seen in the work of Mykhailo Hrushevsky, now translated into English for the first time [Hrushevsky, 2016]. Much modern work has been done on this subject as well. I would point to only one excellent new book – Vitaliy Mykhaylovskiy [Mykhaylovskiy, 2019].

generated a great deal of discussion, but I would like to briefly outline why I think this is the case, and perhaps recapitulate (very briefly) my rationale for making this argument.

Kniaz' has been translated for centuries into English as "prince" or "duke." This translation comes from the British travelers who came to Muscovy in the sixteenth century and found a court which was presided over by a tsar' with multiple subordinate political figures all titled as kniazia. The British then, quite naturally, mapped this onto the monarchical system with which they were most familiar – their own, and turned tsar' into king or emperor and the kniazia into dukes or princes. Later scholars were quite content to consult those early Russian-English dictionaries and translate kniaz' as duke or prince, rather than reevaluating its meaning for any period earlier than the Muscovite one. This is where my work comes in, as it became clear to me that in the medieval period, the kniaz' of Kiev was not a prince, but a king¹. Not only was it clear to me, but it was clear to his contemporaries. In the Latin speaking and writing world, the kniazia of Rus' were referred to as reges. "Rex Russorum" was one of the most common labels for the ruler of Rus' to be found in the multiple Latin sources which discuss Rus'². Rex, which is always translated into English as king, was not their only choice of titles of course – as Karl Werner noted in his discussion of titles in the *Register of Pope Gregory VII* when he counts 152 lay addressees and delineates their separate titles. In that register, the ruler of Rus' is not princeps, dux, or anything else but rex [Werner, 1979; *The Register of Pope Gregory VII*, 2002].

Why does this issue of titulature matter? Because it creates an impression in the mind of the reader of rank, prestige and importance; but also because we are striving for historical accuracy (as much as we can) in our presentation of the past. When Henry of Livonia wrote about Russian rulers in the early thirteenth century he uniformly called them "reges"³. However, when James Brundage translated Henry of Livonia into English, he kept the text the same, translating the rulers of Rus' as kings, but then added editorial footnotes such as, "Vladimir was a Russian prince, not a king, as Henry calls him" [Lettus, 2003, bk. 1, fn. 39]. This change of title, even relegated to a footnote, changes the meaning of the text, and more so the impression that the text makes on the reader. Henry chose to use "rex" uniformly, and by doing so, he put the rulers of Rus' on par with other rulers in medieval Europe. To then make a change in translating that titulature lowers the impression of the rulers of Rus' in the minds of modern readers, and changes how we view them, and especially how we view them in conjunction with other rulers of medieval Europe.

As a brief final note, I would like to acknowledge that nearly the entirety of my footnotes are to works in English. This was not done by accident. Fjodor Uspenskij and I once had a discussion in Moscow about how there are two (at least) scholarly worlds relating to medieval Rus' – Anglophone and Russian. This is certainly true in the broad strokes. To take just one personal example, in reviews of my *Reimagining Europe*, Russian scholars (such as Uspenskij) noted that

¹ There had been some discussion of this topic, especially in Ukrainian historical circles, before my work [see, particularly: Andrusiak, Mykytiak, 1955; Soloviev, 1966].

² Thietmar of Merseburg provides only one example – Thietmar of Merseburg [*Chronica*].

³ See the many examples in the Latin version [Lettus, 1874].

it was passé and did not cite sufficient Russian scholarship; German scholars said that it did not cite sufficient German scholarship; Ukrainian scholars were grateful that Russian history was getting to a wider world outside of a Russo-centric context; and American reviewers thought it was path-breaking and should be read by all medievalists. In a nutshell, this is the academic world we live in. This is one of the reasons why it is so important that we are talking with one another in this forum, but even in so doing, it will be noted that the questions asked in the forum are not ones that are being discussed much in Anglophone literature, as can be seen from some of the responses, or lack thereof. Even if we cannot fix this scholarly divide, perhaps at least acknowledging its existence and having such conversations is an important first step.

REFERENCES

- Andrusiak M., Mykytiak A. Kings of Kiev and Galicia: On the Occasion of the 700th Anniversary of the Coronation of Danilo Romanovich, in *Slavonic and East European Review*. 1955. Vol. 33. № 81. Pp. 342–349.
- Chronica. Ed. J.M. Lappenberg, in *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores*. Volume III. Hannover: Impensis Bibliopolii Aulici Hahniani, 1839 (reprinted Leipzig: Verlag Karl W. Hiersemann, 1925). Bk. VI, ch. 37, Bk. VII, chs. 48, 52, Bk. VIII, ch. 16.
- Hrushevsky M. *History of Ukraine-Rus'. Volume 3: To the Year 1340*. Trans. Bohdan Strumiński; ed. Robert Romanchuk, with Uliana Pasicznyk (and Marta Horban-Carynyk). Toronto: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press, 2016. 651 p.
- Lettus H. *Heinrici Chronicon Lyvoniae*. Hannover: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1874. 269 p.
- Lettus H. *The Chronicle of Henry of Livonia*. Transl. J.A. Brundage. New York: Columbia University Press, 2003.
- Mykhaylovskiy V. *European Expansion and the Contested Borderlands of Late Medieval Podillya, Ukraine*. Leeds: Arc Humanities Press, 2019. 182 p.
- Obolensky D. *The Byzantine Commonwealth, Eastern Europe 500–1453*. London: Weidenfeld and Nicolson, 1971. 445 p.
- Raffensperger C. Reimagining Europe: An Outsider Looks at the Medieval East-West Divide”, in *Medieval Networks in East Central Europe: Commerce, Contacts, Communication*. Eds. B. Nagy, F. Schmieder and A. Vadas. New York: Routledge, 2018. Pp. 9–24.
- Raffensperger C. *Reimagining Europe: Kievan Rus' in the Medieval World, 988–1146*. Cambridge: Harvard University Press, 2012. 340 p.
- Raffensperger C. *The Kingdom of Rus*. Kalamazoo: ARC Humanities Press, 2017. 92 p.
- Raffensperger C. *Ties of Kinship: Genealogy and Dynastic Marriage in Kyivan Rus'*. Cambridge: Harvard Ukrainian Research Institute Publications, 2016. 407 p.
- Soloviev A.V. 'Reges' et 'Regnum Russiae' au Moyen Âge, in *Byzantion*. 1966. № 36. Pp. 144–173.

Surkis J. When was the Linguistic Turn? A Genealogy, in *American Historical Review*. 2012. Is. 117-3. Pp. 700–722.

The Register of Pope Gregory VII, 1073–1085. Ed, transl. H.E.J. Cowdrey. Oxford: Oxford University Press, 2002. 600 p.

Transcript: Putin says Russia will protect the rights of Russians abroad, in *The Washington Post*. Available at <https://www.washingtonpost.com/video/c/embed/ef945a80-ae94-11e3-b8b3-44b1d1cd4c1f> (accessed 15 June 2020).

Werner K.F. Kingdom and Principality in Twelfth-Century France, in *The Medieval Nobility: Studies on the Ruling Classes of France and Germany from the Sixth to the Twelfth Century*. Ed. Timothy Reuter. Amsterdam, New York, Oxford: North-Holland Publishing Company, 1979. Pp. 243–244.

Wolff L. *Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment*. Stanford: Stanford University Press, 1994. 436 p.